

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт
(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
(наименование)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Традиции рождественского и святочного рассказа в современной отечественной прозе

Обучающийся

Я.В. Козлова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. филол. наук, доцент М.Г. Лелявская

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Выпускная квалификационная работа Козловой Яны Викторовны выполнена на тему «Традиции рождественского и святочного рассказа в современной отечественной прозе». Объект исследования составили святочные и рождественские рассказы современных писателей из антологии рассказов «Мандарины – не главное. Рассказы к Новому году и Рождеству». Предметом исследования выступили жанровые признаки и рождественского святочного рассказа в современной отечественной литературе.

Цель бакалаврской работы – проанализировать особенности и мотивы рождественской и святочной словесности в творчестве наших современников.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: дать определение понятию «святочный рассказ», рассмотреть особенности святочного и рождественского рассказов; изучить традиционные признаки святочной словесности; рассмотреть вопрос определения святочных мотивов в русской литературе, выявить основные тенденции проявления подобных мотивов в современной литературе; провести выборку примеров из сборника рассказов антология рождественских и новогодних рассказов «Мандарины – не главное. Рассказы к Новому году и Рождеству».

Бакалаврская работа имеет введение, две главы, заключение, список использованной литературы. Во введении формулируются актуальность исследования, объект и предмет, цель и задачи исследования, определяется методология исследования, а также его научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, выносятся положения на защиту. Первая глава имеет обзорно-реферативный характер и составляет необходимую теоретическую базу исследования, содержит анализ источников, отражает разработанность рассматриваемой проблемы. Вторая глава посвящена доказательству положений, выносимых на защиту. В этой главе раскрывается практическая часть работы, содержащая самостоятельные наблюдения автора. Заключение обобщает результаты проведенного

исследования. Список использованных источников состоит из 50 единиц. Общий объем выпускной квалификационной работы составляет 47 страниц машинописного текста.

Основные результаты исследования. Значимость исследования заключается в том, что удалось выявить жанровую специфику современных рождественских рассказов, определить актуальность и частотность его основных мотивов, зафиксировать открытость святочной словесности для жанровых модификаций.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в практике школьного и вузовского обучения русскому языку и литературе, при разработке лекционных и практических курсов по устному народному творчеству, русской литературе XIX и XX века, современной русской литературе.

Апробация исследования проводилась в форме выступления с докладами на научно-практических конференциях «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Литература» (Тольятти, 10 апреля 2024 года), «Молодежь. Наука. Общество» в рамках секции «Отечественная филология (литература)» (Тольятти, 18 декабря 2023 года).

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Русский святочный рассказ	9
1.1 История святочного рассказа в литературе.....	9
1.2 Жанровые особенности и основные черты святочного рассказа.....	17
Глава 2 Художественные особенности жанра святочной литературы в произведениях отечественных писателей XXI века	26
2.1 Влияние современных тенденций в литературе на зимнюю календарную словесность	26
2.2 Интерпретация святочного рассказа в творчестве современных писателей.....	29
Заключение	43
Список используемой литературы и используемых источников.....	45
Приложение А Сценарий проведенного тематического внеклассного мероприятия по литературе «Новый год к нам мчится».....	50

Введение

Актуальность выпускной квалификационной работы обусловлена всё более повышающимся интересом к жанрам календарной прозы, в особенности зимней. Повышенный интерес публики к произведениям, приуроченным к Новому году и Рождеству, находит живой отклик среди издательств, которые выпускают к праздникам различные сборники рассказов на новогоднюю, рождественскую и святочную тему, включающие в себя произведения как классических писателей прошлых столетий, так и современных авторов.

Степень научной разработанности проблемы. Серьёзный интерес к изучению жанра святочного рассказа ученые проявили в 1990–2000-х годах. Среди исследований можно выделить работы А.А. Кретовой «Святочные рассказы Н.С. Лескова в контексте русской литературы XIX века» (1992), Е.В. Душечкиной «Русский святочный рассказ: становление жанра» (1993), М. А. Кучерской «Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени» (1997), О.Н. Калениченко «Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла)» (2000), М.И. Бондаренко «Традиции “Рождественских повестей” Диккенса в русском святочном рассказе 1840–1890-х годов» (2006).

Несмотря на серьёзное внимание исследователей к святочному рассказу, их внимание сосредотачивается на произведениях XIX-XX веков, изучению же современного святочного рассказа посвящено меньшее количество исследований, среди которых стоит выделить статьи Ю.Ю. Даниленко «Трансформация жанра рождественского рассказа в современной литературе (Л. Петрушевская)» (2014), Н.Г. Махинина, Л.Х. Насрутдинова «Типология современного святочного рассказа для детей» (2018).

Объект исследования выпускной квалификационной работы – святочные и рождественские рассказы современных писателей.

Предмет исследования – жанровые признаки и рождественского святочного рассказа в современной отечественной литературе.

Цель исследования – проанализировать особенности и мотивы рождественской и святочной словесности в творчестве наших современников.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать труды литературоведов и материалы исследователей по истории становления, формирования и трансформации жанра святочного рассказа;

2. Выявить основные мотивы святочной и рождественской прозы в текстах сборника рассказов XXI века.

3. Рассмотреть влияние особенностей современной литературы на жанр святочного рассказа.

4. Обобщить полученные данные и сделать соответствующие выводы.

Методы исследования. Использовались теоретические методы (филологический анализ, синтез, изучение литературы) и практические (наблюдение и описание).

Материалом для исследования послужила антология рождественских и новогодних рассказов «Мандарины – не главное. Рассказы к Новому году и Рождеству».

Научная новизна и теоретическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что при помощи филологического анализа текста были рассмотрены жанровые признаки современного святочного рассказа.

Практическая значимость: представленные материалы могут быть использованы в практике школьного и вузовского обучения русскому языку и литературе, при разработке лекционных и практических курсов по устному народному творчеству, русской литературе XIX и XX века, современной русской литературе.

Апробация исследования. По материалам выпускной квалификационной работы были подготовлены: доклад и тезисы к публикации

в сборник научных трудов научно-практической конференции «Молодежь. Наука. Общество» («Художественное своеобразие жанра святочного рассказа в современной прозе») в 2023 году и «Дни науки» в ТГУ в 2024 году («Антисвяточный рассказ в современной литературе»).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Святочный жанр реализуется в текстах новогодней и рождественской тематики.

2. В современном святочном рассказе продолжают функционировать мотивы, разработанные в XIX веке.

3. В современном святочном рассказе происходит расширение жанровых диапазонов и трансформация традиционных для жанра черт.

Структура бакалаврской работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников, а также приложения.

Во введении формулируются актуальность исследования, объект и предмет, цель и задачи исследования, определяется методология исследования, а также его научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, выносятся положения на защиту.

В первой главе «Русский святочный рассказ» дается характеристика основных этапов становления зимней календарной прозы, отличие её устной формы от литературной, рассматривается синонимичность понятий святочного, рождественского и новогоднего рассказа, раскрывается развитие мотивов святочной словесности.

Во второй главе «Художественные особенности жанра святочной литературы в произведениях отечественных писателей XXI века» выявляется заинтересованность читателя к жанру рождественского рассказа, рассматривается модификация жанра в творчестве современных авторов, переосмысление традиционных святочных мотивов.

В заключении представлены основные результаты поставленных задач исследования.

Основные результаты исследования представлены в следующих публикациях:

1. Козлова Я.В. Художественное своеобразие жанра святочного рассказа в современной прозе // Молодежь. Наука. Общество – 2023 : Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция : Тольятти, 18 – 22 декабря 2023 г. : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2023. В печати.

2. Козлова Я.В. Антисвяточный рассказ в современной литературе // Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. (Тольятти, 013 апреля – 30 апреля 2024 г.): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2024. В печати.

Глава 1 Русский святочный рассказ

1.1 История святочного рассказа в литературе

В русской литературе с древности развивалась календарная словесность – фольклорный, а позже и литературный текст, приуроченный к определенному календарному времени. Если рассматривать фольклорную традицию, то можно было бы предположить, что произведения изначально подготавливались рассказчиками к определенному времени, но в действительности это не так: «само время способно аккумулировать особенные, только ему свойственные тексты» [14, с. 6]. При исполнении текста «на заказ», как отмечают фольклористы, происходит его разрушение, сказителю трудно его вспомнить и передать. Несравнимо легче рассказчику в обстановке, которая максимально приближена к естественное времени и кругу слушателей. То, о чём можно говорить вечером, не подходит для утра. Истории, предназначенные для одного календарного периода, не подходят для другого. Время и текст оказываются прочно связанными: «... повествование рассказов допускается не всегда, не во всякое время» [47, с. 48]. Само время тем самым накапливает в себе значение этих рассказов, придаёт им особую силу и живость, действенность. Таким образом, календарными произведениями, по мнению Е.В. Душечкиной, следуют называть «произведения, которые спровоцированы временем, обладающие определенной содержательной наполненностью и сюжетно связанные с ним» [14, с. 6].

Издавна особое внимание уделялось праздникам — сакрально заполненным дням, составляющим оппозицию будням. Из-за нескольких систем счислений на Руси праздники были аграрными, связанными с годовым циклом, церковными, связанными со священными событиями, и светскими. Календарная словесность вбирает в себя праздники каждой системы счисления. Каждый праздник нес в себе идею, отражением которой становился

обряд, а регулярное празднество превращало обряд в традицию с ключевыми элементами, немаловажными из которых становятся тексты (стихи, песни, прибаутки, ораторские выступления и т. п.). Кроме обрядовых текстов в таких дни рассказывались и другие, целью которых становилось обучение правилам проведения праздника и правилам поведения во время оногo. С помощью таких рассказов старшее поколение делилось своими знаниями с младшими, но не с помощью назидания, а с помощью повествования об особенных «случаях», которые могли произойти с неопытными людьми накануне или во время праздника. Этими историями делились обычно на народных праздниках, таких как Святки, Масленица, Купала и другие.

Святки празднуются две недели, с 25 декабря по 6 января. Изначально на Руси к концу декабря приурочивался языческий праздник Коледы. «Это был праздник земледельческий, в честь солнца, которое начинает в эту пору забирать новые силы» [5, с. 434]. После того, как «христианские правила установили праздновать рождество Спасителя, называемого в церковных песнях «праведным солнцем, пришедшим с востока», то древнеязыческий праздник рождающемуся солнцу и был приурочен к рождественским святкам» [1, с. 470]. С принятием христианства церковь 25 декабря начала праздновать день Рождения Христова, а 6 января – Крещение, в результате чего языческий праздник переплелся с праздниками церковными, а позже и со светским – Новым годом, что объясняет смысловое и обрядовое богатство святочного цикла. В результате совмещения различных календарных традиций «возник сложный праздничный симбиоз, сожителство трёх культурных традиций, приуроченных к одному и тому же промежутку времени» [14, с. 26].

Сергей Васильевич Максимов празднование святок в своей книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» [32, с. 271] описывает следующим образом: «Святки считаются праздником молодёжи по преимуществу, хотя и взрослое население не остается равнодушным к общему веселью и тому приподнятому настроению, которое свойственно всем большим праздникам в деревне. Но всё-таки центром празднеств служит молодёжь: её игры, песни,

сборища и гаданья дают тон общему веселью и скрашивают унылую деревенскую зиму.» Празднование святок охватывало всю деревню поголовно, никто не оставался в стороне от шумного действия. «Мы нигде не видим, чтобы Святки праздновались с такой безотчетной веселостью, как среди русских», – писал в своей работе знаменитый этнограф А.Т. Терещенко [45, с. 641].

В дни Святок было принято рассказывать былички или бывальщины. Слово «быличка» было введено в фольклористику братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми, которые услышали его от крестьян. Жанр быличек относится к «суеверному меморату» [49, с. 70], но, переходя из уст в уста и обрастая новыми подробностями, становится бывальщиной. В словаре В.И. Даля оно имеет следующее пояснение: «... что было, случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый; старина; иногда вымысел, но сбыточный, несказочный. *Бывальщину слушать лучше сказки. Быль не сказка: из неё слова не выкинешь*» [8, с. 148].

В городской же среде не было такого единения, как в деревне: «Русский город представлял собою сложное сообщество, сильно дифференцированное по социальному и культурному признакам» [14, с. 14]. Городское население праздновало среди семьи или знакомых, т. е. «в своем кругу», не было гуляний «всем миром», несмотря на попытки городских властей это компенсировать с помощью проведения народных гуляний, ярмарок, представлений и т. д. Несмотря на это, «образ жизни и менталитет городских низов было близок сельскому с его во многом фольклорной картиной мира [40, с. 70] С течением времени традиции в городе забывались. В XVIII и особенно в XIX выпускались газеты и журналы с образцами святочной словесности, из которых «городской читатель получал необходимое ему чтение, предназначенное специально для праздника» [14, с. 14].

Первые святочные истории в средствах массовой печати появились в XVIII веке. Особо стоит отметить журнал М.Д. Чулкова «И то, и сё», выходивший в 1769 году. Это первый опыт периодического издания в России,

построенного по календарному принципу. Журнал особо ценен своим фольклорно-этнографическим материалом, тонким откликом на все главные русские праздники. В святочных номерах можно увидеть подблюдные песни, разные способы гадания, пословицы, относящиеся к святкам, и истории, в которых говорится про «происшествия» в этот особый зимний период. Это был первый опыт литературного святочного рассказа. Прообразами историй служили бытовавшие в народной среде святочные былички: Чулков пересказывал «их с немалой долей иронии, вставляя собственные замечания и пояснения» [39, с. 8].

Следующая глава развития святочного рассказа связана с эпохой романтизма. К началу XIX века «святочная тематика уже утвердилась в культурном сознании как в наибольшей степени характеризующая природу русского национального характера, познанием которого так был озабочен романтизм» [14, с. 86]. При разработке жанра русской баллады к теме святков обратился Василий Андреевич Жуковский, написавший «Светлану» (1813), произведение, которое покорило сердца читателей, ставшее в самое короткое время хрестоматийным.

В «Светлане» необходимый элемент народности достигается автором с помощью, во-первых, изображения народного календарного праздника и весьма точного воспроизведения картины святочного гадания:

Раз в крещенский вечерок

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали... [17].

И, во-вторых, популярного фольклорного сюжета о гадании на зеркале:

Загадай, Светлана;

В чистом зеркала стекле

В полночь, без обмана

Ты узнаешь жребий свой.... [17].

Вобрав в себя самое лучшее, «Светлана» со временем стала частью праздника, а иногда чтение «Светланы» было единственным святочным мероприятием, которым и отмечался праздник, что отмечена в воспоминаниях Г.В. Григоровича о годах учебы в Инженерном училище: «Раз в году, накануне Рождества, в рекреационную залу входил письмоводитель Игумнов в туго застегнутом мундире, с задумчивым, наклоненным лицом. Он становился на самой середине залы, выжидал, пока обступят его воспитанники и, не смотря в глаза присутствующим, начинал глухим монотонным голосом декламировать известное стихотворение Жуковского:

Раз в крещенский вечерок

Девушки гадали... и т. д.

Покончив с декламацией, Игумнов отвешивал поклон и с тем же задумчивым видом выходил из залы» [6 с. 40].

Новый подъем интереса к святочному рассказу происходит в период становления русской фольклористики и этнографии, который происходит во второй половине 1820-х годов. Любимым писательским приёмом становится обыгрывание элементов календарного обряда, что можно увидеть в следующих произведениях: «Святочные рассказы» и «Разговор на святках» Н.А. Полевого (1826, 1832), «Вечер накануне Ивана Купалы», «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя (1830-1831), «Перстень» Е.А. Баратынского (1832), «Маскарад» М.Ю. Лермонтова (1835), «Новый год» В.Ф. Одоевского (1837) и других. Особо стоит отметить «Святочные рассказы», принадлежащие перу Н.А. Полевого. Судя по всему, именно это произведение ввело в культурный и литературный оборот термин «святочный рассказ».

С 1830-х годов начинают печататься новогодние тексты. Главной их темой становится время, его мимолётность и неделимость. С Новым годом оказываются связаны переживания о прошлом и надежды на будущее.

Д.С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» отмечает, что Русь «складывалась на основе диалога с Европой» [31, с. 12] Поэтому

неудивительно, что середина XIX ознаменовалась появлением в рассказах зимнего календарного цикла новой и очень важной темы – темы Рождества. Толчком для писателей послужили переводы «Рождественских историй» Чарльза Диккенса на русский. Для отечественного читателя их жанр обозначался как «святочные повести», а в сам жанр вносилась социальная проблематика, что оказалось актуальным для России того времени. Ещё одной причиной популярности диккенсовских повестей среди российского читателя можно считать тоску по уюту и защищенности, которые были для русского городского жителя мечтой. Английский писатель воспринимался жителями Российской империи как защитник человека «и его домашнего, частного, мира» [14, с. 146]. Сам же Ч. Диккенс стремился к тому, чтобы «под фантастическою маскою, которую оправдывала весела пора года, разбудить сострадательное и любящее настроение, никогда не лишнее в христианской стране» [10, с. 3] Рождество – «праздник сердца торжества любви» [20, с. 127]. Нравственный смысл становится «доминантой содержания в святочном рассказе» [43, с. 127]. Рождественский сочельник как промежуток времени наделяется особыми свойствами: «способностью репродуцировать необычные события в жизни героев» [7, с. 158].

Тема Рождества вносит в святочный жанр новые мотивы, связанные с Евангелием и заповедями. Тема рождественского чуда и счастливого финала находит живой отклик не только среди читателей, но и писателей. Рождество становится не только семейным праздником, но и днем единения всех людей, приобщая отверженных к человечеству, заставляя увидеть их в самих себе человека. Особенностью русского рождественского рассказа становится несоответствие действительности идее праздника Рождества. Одним из первых писателей, обратившимся к этой теме, был М.Е. Салтыков-Щедрин с очерком «Святочный рассказ. Из путевых заметок чиновника». Чиновник, поехавший на Рождество по казенной надобности, останавливается на ночёвку в деревенской избе, где случайно становится свидетелем семейной трагедии:

сын хозяев только что был отдан в солдаты. Это несоответствие жизни сути праздника, состоящей в единении людей, и становится темой очерка.

Добавим, что к середине XIX века относится первое появление зимней календарной литературы специально для детей. Журнал А.О. Ишимовой «Звездочка» стал первым периодическим изданием, ориентированным на календарь. В них строго «соблюдался принцип «сезонного» и «праздничного» расположения материала» [14, с. 160], который сохранился и до настоящего времени. Тема народных святок в изданиях для детей, как правило, исключалась. Вероятно, это происходило из-за несоответствия народных обычаев учебно-педагогическим задачам детской журналистике. В рассказах для детей главенствует нравоучительный тон, идеи о добродетелях и благородных поступках, образовательные смыслы, раскрывающие детям новые сведения об истории празднеств.

Н.Н. Осанова считает, что «во второй половине XIX века устойчивая жанровая структура святочного рассказа формируется в рамках реалистического искусства. Писатели предпринимают попытку соблюсти требования рождественского и святочного рассказа без рутинного привлечения к участию чертовщины и всяких иных таинственных и невероятных элементов» [35, с. 76].

Несмотря на все старания писателей, святочные рассказы конца XIX – начала XX века, которые печатались в периодике, оказываются ограничены уже изношенными к тому времени приемами, штампами и шаблонами. Поэтому вполне логично, что уже в конце XIX века «стали появляться пародии как на жанр святочного рассказа, так и на его литературный быт – писателей, пишущих святочные рассказы, и читателей, их читающих» [14, с. 229].

Новый виток святочным рассказам дали потрясения начала XX века. Со временем святочные рассказы становятся мрачнее, «и уже к Рождеству 1907 года со страниц «Рождественских выпусков» исчезает прежний оптимизм» [13].

Во время Первой мировой войны патриотически настроенные писатели переносят действие традиционных рождественских сюжетов на фронт, связывая военно-патриотическую и святочную тематику между собой.

В период Гражданской войны святочные рассказы выходят достаточно регулярно на территориях, подконтрольных Белому движению. В изданиях, выходивших в городах, занятыми советской властью, святочная традиция почти вымирает, оставаясь только на страницах юмористических еженедельников в новогодних номерах. При этом публикуемые тексты обыгрывают самые поверхностные мотивы святочной литературы, не затрагивая рождественскую тематику.

В литературе русского зарубежья судьба святочного рассказа оказалась иной: в изданиях «Дым» и «Руль» (Берлин), «Последние новости» (Париж) и других можно встретить многочисленные произведения святочной словесности как от крупнейших писателей (Бунин, Ремизов, Куприн и другие), так и от молодых литераторов, «среди которых можно выделить В.В. Набокова, создавшего в молодости несколько святочных рассказов» [11, с. 54].

Абсолютного угасания святочной словесности в период советской России не произошло: традиция поддерживалась новогодними прозаическими и стихотворными произведениями, публиковавшимися в газетах и журналах, преимущественно детских («Пионерская правда», «Мурзилка», «Вожатый» и другие). Рождественская тематика в таких сочинениях отсутствовала полностью или была представлена в сильно искаженном виде. Но это не исключало проявления основных идей Рождества в тексте: в повести А. Гайдара «Чук и Гек» основное внимание уделено высшим человеческим ценностям – детям, семье, уюту дома.

С конца 1980-х года заметен процесс восстановления календарной литературы: в печати начинают появляться перепечатки святочных рассказов XIX-XX веков, новые произведения с подзаголовком «святочный рассказ», издаются сборники таких рассказов [25, с. 89]. На рубеже XX и XXI веков

продолжается возрождение традиций святочного рассказа, появляются новые тексты: «Конец века» О.Павлова, «Черное пальто» Л. Петрушевской. Традиции святочного рассказа уделяют свое пристальное внимание и современные писатели, пишущие для детей: С. Серова, Е. Чудинова, Ю. Вознесенская и другие.

Таким образом, истоки святочного рассказа находятся в календарной обрядовой словесности, служившей для воспитания и передачи наиболее важных знаний молодому поколению. Время праздника помогало поверить в действенность рассказываемых историй. Литературный святочный рассказ отражает в себе праздники нескольких календарных систем, объединяет между собой людей разных социальных и культурных слоев. В святочной словесности отражаются как вневременные человеческие ценности, так и актуальные проблемы современного писателю времени.

1.2 Жанровые особенности и основные черты святочного рассказа

Жанр святочного рассказа имеет несколько подходов к его определению. Один из них исходит из самого определения рассказа – «святочный». «Святки, то есть святые дни – двенадцать дней после праздника Рождества Христова, до праздника Богоявления. Они называются и святочными вечерами, может быть в воспоминание событий рождества и крещения Спасителя, совершившихся в ночное или вечернее время. Святить двенадцать дней после праздника Рождества Христова церковь начала с древних времен» [50, с. 163]. «Истории, происходящие в эти дни, излагает святочный рассказ» [3].

Исследователи В.К. Кантор [22], Е. Душечкина [14], Л.В. Сурова [44], И. Киреева [23], И. Панкеев [36], А.А. Боголепов [2] и другие отталкиваются от определения Н.С. Лескова, согласно которому «святочная история должна быть фантастичной, иметь мораль, отличаться веселым характером повествования и благополучной концовкой» [27, с. 138].

Е.В. Душечкина, исследуя святочный рассказ XIX века, отмечает, что с середины века начинают использоваться термины «святочный рассказ», «рождественский рассказ» и «новогодний рассказ» и «термины эти, как показывает сравнение текстов с разным подзаголовком, вполне взаимозаменяемы... Поэтому в данном случае представляется возможным говорить о едином корпусе текстов, который определяется при помощи самого употребительного из всех названных терминов – “святочный рассказ”» [14, с. 200]. Также Е. Душечкина дает следующее определение святочному (или рождественскому) рассказу: «это текст, действие которого приурочено к святкам, который повествует о событиях, произошедших на святках и который читается (или рассказывается) на святках» [15].

Это мнение поддерживает и Г.В. Пранцова в книге «Рождественская проза в русской литературе XIX-XX веков», следующее: «... термины “рождественский рассказ” и “святочный рассказ” мы используем в данной работе как синонимы» [37, с. 44].

Не все исследователи согласны с синонимичным значением терминов. Так, И.А. Есаулов разделяет святочный и рождественский жанры, выделяя те признаки святочного жанра, которые создают его автономность, делают невозможным его тождественность с рождественскими жанром:

- 1) «пафос самовольного изменения судьбы»;
- 2) «самоутверждение в земной жизни становится важнее духовного спасения»
- 3) «карнавальная» игра с переодеванием, святочные потехи, маски [16, с. 69-70].

Исследователь творчества Н.С. Лескова Н.Н. Старыгина в своей работе «Лесков в школе» так же разделяет святочный и рождественский жанр, называя канонические признаки рождественского рассказа [42, с. 78-79], а Т.Н. Козина отмечает, что «неразграничение этих жанровых форм ведет к неверной трактовке произведения» [24, с. 144].

Мы считаем, что, из-за соединения в себе традиций трех разных праздников, святки на протяжении своей истории вбирали в себя всё новые жанровые особенности, чутко реагируя на запросы времени и ожидания читательской аудитории, тем самым расширяя свои границы, и синонимичность терминов обоснована.

Описывая основные черты святочных текстов, следует начинать с народного, устного, святочного рассказа, в котором отразились специфические элементы языческих святок, и который стал прототипом литературных святочных рассказов.

Во-первых, одной из основных черт языческих святок является поверье, что это время наибольшего разгула inferнальных сил. С.В. Максимов писал, что на святках «бесчисленные сонмы бесов выходят из преисподней и свободно расхаживают по земле, пугая весь крещенский народ» [32, с. 300]. Нечистые духи могут являться в своём обычном виде, в образах знакомых и родных, а могут и в виде неодушевленных предметов. По поверьям, существуют различные «святочные бесы», показывающиеся на глаза людей только в период святок.

Во-вторых, из-за своего расположения на рубеже старого и нового времени, святки являются идеальным временем, чтобы узнать свою судьбу. В этот период особенно популярны разного рода гадания, осуждаемые христианской церковью, так как «они осуществляются с помощью «нечистой силы» [14, с. 28]. Гадания проводились коллективно и по одному, в местах соприкосновения с другим миром, например, на кладбищах, перекрестках дорог или около водоемов. Сны в святках считались пророческими, а с помощью определенных ритуалов можно было попросить явиться в сон суженого. Мотивы гадания, святочного сна и судьбы играют в святочных текстах исключительно важную роль.

В-третьих, время святок, как говорилось выше, считалось временем молодёжи, которая собиралась вместе, устраивала вечеринки, беседы, игрища. Отсюда немаловажную роль в святочном тексте играет обстановка святочной

вечеринки, а тема комического (смеха, розыгрыша, забавы и т. п.) становится одной из ведущих.

В-четвертых, ведущим элементов святок являлось ряженье. Изначально ряженье, как магический ритуал, должно было воздействовать на будущий урожай. Со временем ряженье превратилось в простую забаву, целью которой стало нарядиться так, чтобы было смешно и окружающие не сразу поняли, кто перед ними.

И, наконец, в-пятых, «святки были временем, особенно напряженным в матримониальном отношении» [14, с. 29]. Это время сближения молодёжи, знакомств и выбора невест, а гадания, активно проводимые девушками, в основном проводились на узнавание суженого, его характерных черт и повадок.

Не стоит забывать и обязательную установку рассказываемых историй на достоверность, истинность происшествия и реальность действующих лиц. Действующими лицами могут быть как сам рассказчик, так и незнакомый человек, на которого повествователь может ссылаться. Святочные народные истории заканчиваются обычно относительно благополучно, хотя главный герой и испытывает сильное эмоциональное потрясение. Трагический финал характерен для историй, где главным героем является третье лицо.

Иногда установка на действительность закладывалась самой средой бытования истории: так произошедшее с членом семьи на святках становилось частью семейных святочных преданий.

Следующими стоит отметить несколько жанровых особенностей, характерных для литературной святочной словесности, которые она приобретает в начале её бытования в текстовой форме — то есть начиная с XVIII века.

Во-первых, из-за изъятия святочного рассказа из его естественной среды бытования, характеризующейся нужным временем и местом, литературный святочный рассказ становится больше по объёму, так как вместо простой передачи «происшествия» слушателям, автору требуется погрузить читателя в

атмосферу святочного вечера, беседы, в ходе которой рассказывается «история».

Во-вторых, немаловажным свойством литературного святочного рассказа являются пояснения этнографического и бытового характера в тексте – из-за отрыва преимущественно городского читателя от среды деревенских святочных вечеров, такие пояснения помогают ему погрузиться в атмосферу, воочию увидеть принцип гадания и, по возможности, его повторить. Таким образом, литературные святочные рассказы кроме развлекательной функции приобретают ещё и познавательную.

В-третьих, авторы литературного святочного рассказа, по обыкновению, ориентированы на традицию русской психологической прозы, поэтому старательно обрисовывают характер персонажей, их переживания, мотивировку действий. Там, где рассказчик может просто констатировать чувство, охватившее героя, автор описывает зарождение, нарастание и кульминацию этого чувства.

Основное отличие литературного святочного рассказа от фольклорного состоит «в характере изображения и трактовке кульминационного святочного эпизода» [14, с. 41]. В отличие от устных святочных историй, в литературных главный мотив встречи с нечистой силой лишается элемента сверхъестественного, получая вполне реальное объяснение. Конфликт строится не на встрече с существами потустороннего, а на сдвиге в сознании человека, который в силу специфических обстоятельствах усомнился в своей невери в «чертовщину».

Со второй половины XIX, после вхождения в отечественную литературу жанра рождественского рассказа, святочный рассказ видоизменяется. Изначальные мотивы переосмысливаются, к семантике народных святок добавляется семантика Рождества.

Мотив «нечистой силы» включает теперь не только поверье об активизации на святках разнообразных inferнальных сил, но и новый этнографический и фольклорный материал, с которым автор знакомит

читателя, рассказывая о верованиях малоизученных общин. От *«нечистой силы»* появились мотивы *«метель»* и *«волчий»*. Вместо inferнальных сил жизни героя угрожает природная стихия, способная сбить с пути путника и привести его в «нечистые» места, или волчья стая, угрожающая жизни.

Святочные рассказы, начиная свой путь с мотива *«нечистой силой»*, расширяют свои сюжеты до самых разнообразных историй о сверхъестественных явлениях, которые не могут объяснить здравый смысл и наука. Среди таких явлений встречаются разные шумы, грохот, вздохи, которые слышат люди в святочные ночи в помещениях, где кто-то умер насильственной смертью; предсказания, явления умирающих людей к своим возлюбленным или родственникам, друзьям в момент их смерти и другие. Рассказы о сверхъестественных явлениях воспринимаются как проявление особой мистики святочного времени, способного порождать необъяснимые и загадочные события. Некоторые писатели причисляют к таким явлениям и различные расстройства психики – лунатизм, безумие и т.п.

Продолжая тему inferнальных сил, в святочных рассказах встречается мотив *«покойника»/«мертвеца»*, который восстает из мёртвых ради отмщения или просто чтобы напугать живых. К *«мертвым»* естественно примыкают тексты с мотивом *«призрака»*, в котором роль потусторонней сущности могла быть отдана человеку, принятого за него. В таких историях *«призрак»* пугает людей на кладбищах, появляется на святках в «нехороших» домах, просит погрести тело, которое по каким-либо причинам не было захоронено, является своим близким, выполняя данное при жизни обещание, и т. п. Кроме мотива *«приведений»* был также популярен мотив *«лжеприведений»*, где слухи о призраке оказывались ложными, а всему находить рациональное и логическое объяснение.

Мотив *«опьянения»* в святочных рассказах появляется как способ писателей построить фантастический сюжет. Популярность этого мотива в святочной литературе объясняется не только актуальностью *«алкогольной»*

темы для русского человека, но и созданием автором реалистичной мотивировки последующих событий, которые зачастую были комическими.

За ту же возможность включения элемента нереального, как и в мотиве «опьянения», писатели полюбили мотив «сна». Этот мотив давал возможность мотивировки следующих событий и включения элемента фантастического, который не нарушал бы реальную основу рассказа. Граница сна и яви либо затушевывалась, либо сознательно делалась автором расплывчатой.

Мотив «гадания», который понравился писателям ещё на заре литературного святочного рассказа, не претерпел существенных изменений: кроме гадания на зеркале стали иногда использоваться и другие виды и способы узнать свою судьбу.

Ряженье, характерная особенность святочной недели в деревне, так же нашло себе место в святочном рассказе. Мотив «ряженья» использовался в текстах либо как фон, на котором разыгрывалось основное действие, либо выполнял собой чисто этнографические функции, либо был ключевым элементом сюжета. Производным мотивом стал мотив «маски», прочно закрепившийся за святочным рассказом ещё в 1830-х годах. «Маска» делала человека неузнаваемым, меняя не только его лицо, но и сущность, сближая замаскированного человека с потусторонними силами. В одних случаях «маска» брала на себя функцию поучения и разоблачения, а в других – разыгрывала героев.

К мотиву «путаницы» авторы обращались ещё со времен М.Д. Чулкова и весьма охотно. Пристрастие к нему объясняется возможностью его использования для создания комических и весёлых сюжетов, имитирующих характерную для святок обстановку всеобщего веселья и шутки.

Не остался забыт и «матримониальный» мотив святочной прозы. Его закрепление вполне естественно, если вспомнить, что святки были преимущественно молодёжным праздником, целью которого было сближение молодых людей и выбор невесты, а основной целью гаданий девушек было узнать больше о суженом. Свадьбой кончались и многие святочные тексты.

Таковы основные мотивы рассказов, опирающихся в своем построении на семантический комплекс народных святок.

Рассказы конца XIX века, связанные со смыслом Рождества, представляют собой разнообразные варианты мотива *«рождественского чуда»* «в его христианском понимании» [18, с. 97], без «отождествления чуда с магией и оккультизмом» [46, с. 13] Мотив *«чуда»* трактуется довольно широко – это может быть как сверхъестественное явление, которое было вызвано вмешательством божественных сил, так и обыкновенная жизненная удача. Иногда авторы сохраняли возможность двойкой трактовки произошедшего, чтобы читатель решил для себя сам, что произошло в истории.

Рождество воспринимается в жанре святочных рассказов как промежуток времени, обладающий способностью репродуцировать счастливые события в жизни героев, способствовать успеху, что и воспринимается читателями как *«чудо»*.

Вариантами *«рождественского чуда»* принято считать *«удачу»*, когда в критический момент герою везет получить то, в чём он критически нуждается, *«чудесное спасение»* в обстоятельствах, на которые герой не может повлиять, и даже мотив *«примирения»*, отображающий в себе основные евангельские идеи.

Рождество, как праздник единения людей, неизбежно должно было породить истории с мотивами *«возвращения блудного сына»*, *«встречи»* после долгой разлуки, *«нравственного перерождения»*. Самым известным героем, пережившим нравственное перерождение, является Скрудж Ч. Диккенса, а все его «последователи» наделяются «комплексом Скруджа» – «это выбившиеся в люди бедняки, старые холостяки, забывшие свое детство, не признающие праздников, не имеющих близких и любимых ими людей» [14, с. 205] К этой же группе примыкают рассказы с мотивом *«жертвы»* в канун Рождества.

Кроме мотива *«чуда»* в рождественских сюжетах присутствует мотив *«воспоминаний»*, являющийся своего рода заменой *«чуду»*, и тесно с ним

связанный мотив «одиночества», который сопровождает мотив «воспоминаний» в текстах, где герой острее всего осознает свое одиночество именно в Рождество.

Елена Владимировна Душечкина выделяет в святочном рассказе мотив с отрицательной эмоциональной окраской, называя его *антирождественским*. Такие святочные рассказы исследователи предлагают называть «антирождественскими» [14] или «антисвяточными», которые «появляются как результат трагического столкновения между чудом рождественской ночи и его несостоятельностью, его чуждостью реальной действительности» [21, с. 40]. Этот мотив свойственен в сильной мере только русской литературе, которая на каждый рождественский сюжет нашла свой антимотив. Согласно идее Рождества, должно свершиться чудо, но оно *не свершается*: человек не выздоравливает, помощь не приходит, примирения родных и близких не происходит, нравственное перерождение не совершается, родные и возлюбленные не встречаются и так далее. Примерами антирождественского рассказа являются «Ванька» А.П. Чехова (1886), «Ёлка» М. Овсянникова (1887), «Праздник. Сказка» И.А. Бунина (1891) и другие.

Таким образом, в жанровую специфику святочного рассказа в России входит выделяемая исследователями синонимичность понятий святочного, рождественского и новогоднего рассказа, где рождественский и новогодний рассказ являются вариантами святочного. В устной святочной традиции было шесть основных мотивов рассказов, отражающие аспекты деревенского гуляния на святках. В литературной традиции количество мотивов возросло благодаря рождественскому жанру и выделению отдельных тем из изначальной мотивировки рассказов. Особенно выделяется антирождественский мотив, в котором на передний план выводится идея о несправедливости современного автору устройства жизни к основным христианским идеям.

Глава 2 Художественные особенности жанра святочной литературы в произведениях отечественных писателей XXI века

2.1 Влияние современных тенденций в литературе на зимнюю календарную словесность

Серьёзный интерес к жанру святочного рассказа ученые проявили в 1990–2000-х годах. Своё внимание исследователи обратили на процесс становления жанра, форму его бытования и жанрообразующие признаки. Это отражено в работах А.А. Кретовой [28], Е.В. Душечкиной [14], М.А. Кучерской [29], О.Н. Калениченко [21], М.И. Бондаренко [4] и других. Однако все эти исследования обращались преимущественно к литературе XIX века.

С конца 1980-х годов в России «повышается тяготение к религии, прежде всего православной» [41, с. 663], из-за чего «возвращается... календарная обрядность, а вместе с ней – святочная литература» [22], что обуславливает интерес писателей к форме святочного рассказа: желание «жить в ритме времени, в рамках осознанного годового цикла» [12, с. 31]. Возможной причиной возрождения темы Рождества стало «разрушение календарного круга советских праздников» [26].

В настоящее время авторы активно обращаются к жанру святочной словесности, о чём свидетельствуют выпущенные тематические сборники первого десятилетия нашего века: «Покажи мне звезду» (2005), «0 января» (2009), «Святочные рассказы. XXI век» (2010). В течение второго десятилетия XXI века издательства стали ежегодно выпускать антологии, приуроченные к Новому году и Рождеству. Например, в серии «Праздник-Праздник» издательства «АСТ» с 2016 года переиздается сборник «Рассказы к новому году и Рождеству», в котором представлены произведения современных писателей. Издательство «Никея» в серии «Рождественский подарок» выпускает тематические сборники, составленные с опорой на тематику

рождественских произведений и представлен ли оригинальный или переведённый текст: «Рождественские рассказы русских писателей» (2015), «Рождественские рассказы зарубежных писателей» (2017), «Рождественские новеллы о любви. Произведения зарубежных писателей» (2020) и другие.

Кроме официальных сборников, которые можно встретить в книжных магазинах, святочная словесность заняла свою нишу и в сетевой литературе. Спрос массового читателя не удовлетворяется «официальной» литературой, что порождает спрос на рождественские истории в преддверии зимних праздников. Читатель ищет правдоподобный сюжет и героев, которые близки его реальности. Правдоподобие, четкие границы нравственных оценок, счастливый финал — вот что ждет читатель от этих историй, уставший «спорить» с героем и автором «большой» литературы.

Ещё Н.С. Лесков, рассматривая святочную словесность, замечал: «... святочный рассказ, находясь во всех его рамках, всё-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы» [30, с. 4]. Так, М.А. Кучерская в своем исследовании текстов авторов конца XX века отмечает, что святочные рассказы теперь отличаются «не только снежно-елочным и церковным колоритом хронотопической модели, но и особой, сентиментальной нравоучительностью» [29, с. 17]. Другой исследователь, Н.М. Ильченко, отмечает «изменение типологии и ситуативных конфликтов» [19, с. 158]. Н. Махнина и Л. Насрутдинова в своей статье «Типология современного святочного рассказа для детей» обращают внимание на четыре жанровые модификации вместо традиционных двух: собственно святочный рассказ, антисвяточный, а также «редуцированная и гибридная модификация жанра» [34]. Кроме того, авторами отмечено переосмысление самой категории чуда: в собственно святочном рассказе герои не могут распознать рождественское чудо и низводят его до обыденной случайности, а в антисвяточном рассказе «отвергается сама возможность обретения счастья даже в каком-либо другом мире» [34]. Редуцированная модификация жанра отличается своим

небольшим объёмом и акцентом на реалистический характер происходящего в тексте чуда.

Отдельно стоит отметить гибридную модификацию жанра. В XX веке жанр рождественского рассказа заменился новогодним, основной аудиторией которого стали дети. В конце века происходит возвращение православных духовных ценностей, что активизирует спрос взрослых читателей на тексты, приуроченные к зимним праздникам. Некоторые писатели стремятся «сохранить стилистику святочных и рождественских рассказов классиков» [48, с. 144]. Другие же экспериментируют с жанровыми формами, приспособлявая традиционный жанр для решения вопросов нового века с помощью его трансформации и скрещивания с другими жанрами. Эти эксперименты и относят Н. Махинина и Л. Наструдинова к гибридной модификацией жанра, выделяя в значительном количестве произведений для детей жанровые приметы как святочного рассказа, так и сказки.

В. Ю. Шабалинская отмечает гибридную модификацию в качестве особенности современной святочной прозы и характеризует её как «расширение жанрового диапазона» [48, с. 144]. Так, в рассказе Марии Серовой «Падает снег», где речь идёт о работе доктора с ребенком, у которого диагностирован галлюцинаторно-параноидный синдром, святочный жанр переплетается с эпистолярным, «образы и самого доктора, и девочки раскрываются через обособленные фрагменты, стилизованные под личную записку, СМС-сообщение, дневник, записи из медицинской карты» [48, с. 145].

По мнению Ю.Ю. Даниленко, одной из основных черт современных текстов является интертекстуальность – «активный диалог с наследием мировой классической литературы и канона в целом» [9, с. 589]. Интертекстуальность помогает наделить текст новым актуальным содержанием, обращаясь к памяти читателя для усиления и углубления образов, представленных в произведении, создания дополнительных смыслов. Так канонический текст Х.-К. Андерсена «Девочка со спичками» становится

основой для нового рождественского рассказа отечественной писательницы Л. Петрушевской под названием «Чёрное пальто». Кроме жанра святочной словесности, исследователь Т.Г. Прохорова обнаруживает в структуре рассказа следы таких жанров, как «мениппеи, баллады, сказки и детской страшилки» [38, с. 31]. Л. Петрушевская при обращении к тексту Х.-К. Андерсена подчёркивает символичность образа спичек для своей героини, развивает и усложняет классический сюжет «новыми психологическими смыслами» [9, с. 595].

Таким образом, мы видим живой интерес читательской аудитории к жанру святочного рассказа и активные действия издательств, направленные на удовлетворение потребности это потребности, выраженные в издании сборников работ как признанных мастеров, так и современных литераторов. Из фокуса внимания ученых ускользает святочная словесность XXI века. Эта область исследований обладает огромным потенциалом, так как тексты синтезируют в себе черты уже классического, устоявшегося жанра с важными чертами современной литературы. Авторы, обращаясь к жанру святочного рассказа, расширяют поле его функционирования, размывая грани между ним и другими жанрами, а с помощью обращения к уже известным произведениям углубляют и формируют новые смысловые поля, умножая и обогащая идейную составляющую произведения.

2.2 Интерпретация святочного рассказа в творчестве современных писателей

При работе с текстами современных писателей, мы пользовались терминологией, предложенной Е.В. Душечкиной в монографии «Русский святочный рассказ: Становление жанра» (1995). Мы думаем, что она наиболее полно отражает традиционные черты святочной словесности.

Исследуя тему святочной словесности в современности, мы обратили своё внимание на сборник рассказов «Мандарины – не главное. Рассказы к

новому году и Рождеству» (2022), состоящий из 50 рассказов, от издательства «АСТ». Рассказы, представленные в сборнике, можно разделить на рождественские и новогодние, маркерами времени в них служат сами названия праздников: «Приближался Новый год», «Маленькая часовенка была закрыта. <...> Ни тебе Рождества, ни свечки, ни шоколадных с позолотой икон, ни баса батюшки» [33, с. 19, 99]. Только в 10 рассказах сборника упоминается праздник Рождества Христова, а в 7 он играет сюжетобразующую роль.

Так, текст Виталия Сероклинова «Лю» начинается со следующих слов: «...Да что ты со своими джек-лондоновскими сюжетами пряничные домики выстраиваешь, ты послушай, как оно бывает в жизни, когда случаются настоящие рождественские истории...» [33, с. 166]. В нём идёт речь о семье, которая переехала в Нью-Йорк и празднует свой первый Новый год в новой стране. За «день или два до сочельника» рассказчица понимает, что денег на ёлку у них нет, «всё выплаты слопали и расходы на всякое обязательное» [33, с. 168]. Её отец, старик, потерявший в годы войны сестру и мать под Киевом, решил, что «если елки нет, то в этом году ему помирать» и предлагает «елочку унести» [33, с. 167-168], т. е. где-то украсть. Пока они с дочерью идут «на дело», им встречается пожилая женщина, предлагающая забрать елку бесплатно. Старики обмениваются контактами, потому что папа рассказчицы не может принять ёлку просто так, а на следующий день старушка ему звонит с просьбой осмотреть трубы – на визитке отца была информация о его сантехнических умениях. «Папа поехал помочь», а через некоторое время рассказчице звонят из больницы, куда его увезли. Выяснилось, что эта старушка – «сестра это, там самая потерявшаяся сестра» отца.

Чудесная встреча и узнавание проходит в канун Рождества и является единственным традиционным мотивом святочного рассказа, отраженном в произведении. Стиль рассказа выходит за рамки традиционного: читателю предлагается отрывок из стенограммы одного из участников телефонного разговора: рассказчица в ходе повествования отвечает на скрытые от читателя

вопросы собеседника («Да нет, это ещё не рождественская история, погоди, – ну повезло и повезло, чего тут такого, я же говорю – ста-ти-сти-ка! Слушай дальше...») [33, с. 166]), в тексте присутствует множество уточнений, которые нанизываются друг на друга, как будто рассказчица вспоминает всё новые подробности в процессе говорения («Папа поехал помочь, конечно, – да и рядом это было, три остановки, старушка даже сказала, что дорогу оплатит, тут так принято, когда тебе помогают» [33, с. 170]), а открывает и закрывает текст многоточие, знак, несущий в себе значения прерванности речи, что усиливает впечатления выдернутого из целого фрагмента.

Новый год является главным праздником в 39 рассказах сборника, что говорит об его первостепенности для современного человека, чем Рождество. Стоит отметить, что в двух рассказах сборника, где события разворачиваются в прошлом (в 40-х годах XX века в Польше и в XIX веке, в императорской России), Новый год как праздник не упоминается, преобладающее значение в сознании персонажей имеет именно Рождество и рождественские гуляния («Юзеф зажжёт свечу, они преломили оплатек и стали праздновать Рождество в тишине и молчании» [33, с. 60], «На Рождество дом сиял огнями ярче, чем у Одинцовых» [33, с. 191]).

Большая часть рассказов, представленных в сборнике, рассчитана на взрослую аудиторию, что подтверждает знак возрастного ограничения 16+. При анализе текстов нами было отмечено, что в 17 из 50 рассказов упоминаются дети: «Было мне одиннадцать лет...», «Девочка сидела под елкой...», [33, с. 18, 338], а ориентированность на чтение для всей семьи имеют 18 текстов. Как заметили в своем исследовании Н. Махинина и Л. Наструдинова, в произведениях, ориентированных на чтение и для детей, можно выделить жанровые приметы как святочного рассказа, так и сказки.

В «Новогоднем происшествии» Евгения ЧеширКо мы встречаем классических персонажей волшебных сказок: Бабу Ягу, кота Баюна, Змея Горыныча, Илью Муромца, Лешего, Верлиоку. Действие происходит в лесу, традиционном месте обитания этих сказочных персонажей. Отличием от

обычной сказки является неразграничение персонажей на «добрых» и «злых», присутствие между ними ещё таких фольклорных героев, как Домовой и Сварожич. В тексте используются святочные мотивы, которые берут своё начало в фольклоре, но видоизмененные автором.

Так, нечистая сила, которая должна пугать людей и вводить их в страх, готовится совместно праздновать Новый год, а с ней вместе и Илья Муромец. Мотив святочных вечеринок в тексте отображён совместной встречей героев Нового года, когда весь «честной народ» собирается в одной избе. Мотив сна служит кульминацией рассказа – кот Баюн, не разобравшись, кто перед ним, усыпляет своим пением Деда Мороза:

– Из-за тебя, котяра, люди совсем перестанут верить, что Дед Мороз существует!

– Да при чем тут я?

– При том, что он вместо того, чтоб подарки развозить, будет спать у меня дома из-за твоих песенок. А до праздника полчаса всего! [33, с. 337].

Уже в развязке можно проследить мотив ряженья, когда фольклорные герои берут на себя обязанности Деда Мороза и, представляясь им, развозят детям подарки: «А девочка в своей комнате... махала кому-то маленькой ручкой. Её совсем не смущало, что вместо красивых коней... и дедушки в красных рукавицах на фоне зимнего неба вырисовывался... силуэт огромного трехголового Змея, который... тянул за собой ступу, в которой иногда поблескивали чьи-то хитрые зеленые глаза. [33, с. 339]»

При анализе произведений из сборника нами было отмечено, что некоторые святочные мотивы, берущие свое начало из фольклора, в современном обществе видоизменились, становясь преимущественно маркерами зимних праздников. К примеру, мотив святочной вечеринки, когда группа людей собирается вместе на праздник, в текстах отображен упоминанием домашнего новогоднего застолья («И стол накрыт. Вы даже не представляете, что на нем. Просто ломится от яств» [33, с. 378]) и корпоратива («На новогоднем корпоративе нефтегазовой компашки» [33, с. 386]). За

вариацию святочной вечеринки в современном тексте также можно взять встречу Нового года в общественном пространстве в кругу преимущественно незнакомых людей, например, в ресторане («Вернувшись в отель и переодевшись к торжественному новогоднему ужину...» [33, с. 343]) или в клубе («В новогоднюю ночь мы все оказались в джаз-клубе «Римский корсаков» [33, с. 419]).

Мотив ряжение тоже претерпел изменения: переодевание в современных рассказах связано с особой атмосферой, для которой нужен специальный, праздничный, наряд («Она даже одевалась для этого нарядно, по-праздничному» [33, с. 181]) или же с театральным действием, когда актеры облачаются для роли («А ещё, вспомнив, колпак бумажный с себя снял и тоже девочке отдал. Это у него в последней сценке такая роль была – Петрушка [33, с. 175])

Опьянение в современных рассказах не используется как сюжетобразующий мотив, но употребление алкоголя в текстах прослеживается как характерное поведение русских в период новогодних праздников: «Ну и напились, конечно, чо?», «Давно перевалило за полночь, дом спал, и только Михаил с Ирой засиделись на кухне за разговорами» [33, с. 378, 415].

Матримониальный мотив в рассказах нашего времени не играет центральной роли. В отличие от текстов XIX века, встреча и знакомство свободных девушки и парня не несет в себе обязательного продолжения, которое будет заключаться в создании семьи. Также при затрагивании этого мотива автором может не случиться счастливого воссоединения пары: «Жаль только, Наде спектакль не помог, матерщинник Влад пошел провожать Лизу до дома, и теперь все время пишет ей «ВКонтакте» [33, с. 382].

Популярные в XIX веке мотивы метели, волков, а также покойников и мертвецов в среде современных литераторов не имеют спроса; мотив гадания упоминается в рассказах лишь единожды, усиливая рождественский мотив

удачи: «А ещё ему цыганки гадать отказываются. Те, конечно, то настоящие гадалки. Говорят, ведет его кто-то. Или следит за ним» [33, с. 174].

Сон продолжает помогать авторам переплестать в рассказе реальное с фантастическим, стирая грань между былью и небылью. В рассказе Натальи Корсаковой «Приходите выпить чаю» главная героиня Настя пытается уснуть, что ей не удается или кажется, что нет. Её будит телефонный звонок на домашний номер, который почти никто не знает. Незнакомый мужской голос сообщает о скорой доставке жирафа по имени Ульрих к её дому. Настя считает, что это шутка: «Нет, кто-то явно пытается её разыграть. Ворваться вот так к спящему человеку, огорошить подарком и сгинуть в ночи. А ей потом медленно приходит в себя, пытаюсь отделить сон от реальности» [33, с. 107]. Героиня соглашается с доставкой, считая, что ничего не будет, и ложится спать, чтобы вновь проснуться от телефонного звонка. Жираф оказывается настоящим, с бумагами и сеном. Настя ещё раз пытается понять, сон ли это, и щипает себя за руку. «Получилось болезненно» [33, с. 115]. Пока девушка выясняет у мужчины, с которым до этого общалась по телефону, можно ли что-нибудь сделать с Ульрихом, фургон с экзотическим животным пропадает. Не понимая, что происходит, девушка выбегает на улицу и ищет пропавший фургон. Снова звонит незнакомый мужчина, который просит называть его Стасом. Происходит странный диалог, из которого Настя узнает, что всё разрешилось само собой. Продолжая ночную фантазмагорию, девушке предлагают купить пса по кличке Жираф и оставляют его, даже после того, как Настя отказывается от собаки, даря свои деньги мужчине. Собака, в конце концов, достается местной бомжихе Мане, но попадает в Настину квартиру, когда Маня приходит попросить новый поводок, и устраивает беспорядок. Во второй раз, когда Маня приносит подарок, Настя приглашает её на чай с тортом. Спустя какое-то время их веселое чаепитие прерывается звонком в дверь. Появляется Стас, который ослепляет Настю с первого взгляда своей внешностью. Он выглядит как мужчина её мечты. В ходе диалога оказывается, что это чёрт, который пришел за ней и уговаривает на сделку. Одно «да» и весь

день, начиная Ульрихом и кончая чаепитием, начнется заново, без хлопот и проблем. Настя почти соглашается, но тут слышен лай встревоженного Жирафа – старушке Мане стало плохо. Это помогает справиться Насте с наваждением и вернуться в реальность, чтобы помочь гостю.

Отсутствие четкого осознания мира сна или яви заставляет верить в действительность событий, которые происходят. Переплетение с мотивом нечистой силы усиливает убеждение, что происходящее с героиней случилось на самом деле, но оставляет простор для трактовки с точки зрения реальности, в которой отсутствуют inferнальные силы.

Среди рождественских мотивов рассказов стоит отметить мотив жертвы, который авторами не используется. Однако активно развивается мотив воспоминаний: в большинстве произведений сборника (23) он играет не последнюю роль. Среди воспоминаний, описываемых авторами, преобладают воспоминания из детства или случаи, произошедшим вблизи новогодних праздников, которые несут в себе положительные эмоции.

Текст Виктории Кирдий «Я люблю декабрь» состоит из двенадцати небольших заметок в 2-8 предложений, рассказывающих о причинах любви автора к этому месяцу года. Все они строятся на воспоминаниях об особенно значимых для автора случаях, в большинстве своем комичных или связанных с детскими переживаниями этого времени года, но отражающих авторское понимание новогоднего чуда. Небольшой объем и реалистичность чудесных событий, создателями которых являются настоящие живые люди, позволяют определить редуцированную модификацию жанра.

Воспоминания также могут включать в себя отрицательные события, что актуализирует антирождественский мотив в святочной литературе, который проявляет себя в 7 рассказах сборника, в каждом из которых фигурирует и мотив воспоминаний. Так, в рассказе Александра Бессонова «Чатик (вотсап-переписка)», стилизованном под диалог в мессенджере, мы можем прочитать переписку разведенной пары спустя год молчания – бывший муж поздравил женщину с наступившим Новым годом. В ходе дальнейшего диалога мы

видим, что мужчина продолжает любить женщину («моя бывшая любимая жена» [33, с. 410]), с теплотой вспоминает о прошлых отношениях («Любви твоей больше нет, а забота осталась и меня согревает» [33, с. 411]). Женщина, несмотря на развод, продолжает заботиться о нем и сейчас, но признаков оставшихся нежных чувств к бывшему мужу не проявляет:

- <...>Скатился только три раза и повредил плечо.
- Отека нет? Намажь «Спасателем», хуже не будет.
- Все нормально. Тебе уже не обязательно заботиться обо мне.
- Кто, если не я. [33, с. 410 – 411].

Несмотря на заботу женщины и желание мужа её вернуть, примирения между бывшими супругами не происходит: мужчина не понимает, что он сделал не так в браке, из-за чего горячо любящая, по его же словам («Никто меня не любил так сильно, как ты, и, наверное, уже не будет» [33, с. 411]), жена изменила ему:

– Мы это уже сто раз обсуждали, но я никак в толк не возьму: зачем ты это сделала? Еще и с ним.

– Хорошо, повторю в сто первый раз для особо одаренных. Сначала ты перестал уделять мне внимание, потом перестал разговаривать. Я была не женой, а мебелью. Когда уехал на три месяца в командировку, хоть бы слово ласковое сказал и цветочек оставил, чтобы я поняла: у нас есть шансы.

– Ну ты капец. То есть цветочка было бы достаточно, чтобы ты не полезла в его постель? Ты хоть понимаешь, что натворила? [33, с. 411].

Невзирая на то, что мужчина так и не понял причин остывших чувств бывшей супруги и продолжает обвинять её в распаде их брака, он, однако, хочет вернуть её («Я очень хотел, чтобы рядом вдруг оказалась ты!», «Мне плохо без тебя» [33, с. 411]). Женщина прекращает переписку лаконичным «Извини, я тороплюсь. С Новым годом» [33, с. 411], ничего не отвечая на желание собеседника воссоединиться.

Новогоднее чудо в этом рассказе не случается, и мы можем видеть несколько жанровых особенностей антирождественского рассказа:

примирения родных и близких не происходит, возлюбленные не воссоединяются, а нравственное перерождение участников переписки не совершается.

Другим примером антирождественского мотива является рассказ Жуки Жуковой «Новый год для Купидона». Заглавие рассказа считается читателем как нечто положительное, ведь Новый год – праздник радости и смеха, а Купидон, как известно, бог любви. Читатель ждёт чуда любви, вечной и чистой, как в древнегреческих мифах. Но первые же строчки вызывают значительный диссонанс с образом чистого и нежного ангела, которым представляет Купидон: «Как же он вчера нажрался!... Девицы яркие в блестящих платьях, бухло рекой, топ-менеджеры раскатывали дорожки в туалете. Обдолбались в говнище» [33, с. 386]. И, несмотря на отрицательное первое впечатление, граничащее с брезгливостью, по мере развития сюжета мы начинаем сочувствовать главному герою. Купидон работает как заведённый, «день и ночь сообщения приходят» [33, с. 387], никому старается не отказывать. Но вместо истинной любви, которой люди бы дорожили, Купидон, получается, несёт горе: Зая обращается к Купидону, чтобы с помощью любовных отношений продвигаться по карьерной лестнице, а Анатолий ищет вместо супруги сиделку для дочери от первого брака. И в том, и в другом случае всё кончается плачевно: Паша, первая цель Зая, «с крыши сигает» [33, с. 388], а Анатолий сначала «стал по бабам шарить» [33, с. 388], а потом умер в ходе очередной домашней ссоры с Алей («Толик к дяде Аиду, Аля в тюрягу, дочь в детский дом» [33, с. 389]). И после прочитанного читатель не может с уверенностью сказать, относится ли фраза Купидона «Боже, помоги, как же тошнит» [33, с. 390] к последствиям того неудержимого разгула накануне или к внутреннему отвращению героя от всего того происходящего, к которому он приложил свое участие.

Побуждения Купидона сделать мир лучше и помогать только тем, кому оно действительно надо, умаляются не только со стороны людей, не ценящих чудо любви, а использующие его для потакания своим эгоистическим

желаниям, но и других богов, включая его отца: «... слушать доводы не хочет, ему статистика нужна по отделу положительная...» [33, с. 387], «По документам на Земле множится любовь» [33, с. 388]. Подводя итог всему случившемуся, Купидон решает прекратить работать на отца и, тем самым, уйти из дома, в котором он не нужен. Так антирождественский мотив рассказа, как в кривом зеркале, проявляет евангельскую идею о возвращении блудного сына.

Кроме духовных проблем общества, не ценящего истинных чувств и потворствующих собственному эго, автор через призму восприятия носителя самого чистого и светлого чуда любви показывает и социальные, включающие в себя проблемы соотношения количества и качества в производстве, отношению к людям как к функции и «винтику» машины, а не личности.

Несмотря на то, что рождественский и антирождественский мотив различаются в своей основе на содержательном уровне (чудо рождественской ночи и его отсутствие), в современной литературе они могут фигурировать в одном тексте.

Рассказ Анны Кудрявской «Всего лишь случай» повествует о двух героях, которые встретились в поезде перед Новым годом: «Верхние места больше никто не занял. И то верно: до Нового года меньше суток, кто хотел, тот добрался, а в дороге встречать – удовольствие сомнительное. Общительная и компанейская Ленка, оставшись наедине с Сережей, неожиданно стала застенчивой и робкой» [33, с. 235]. Лена с Сережей едут домой из Москвы, ей – девятнадцать, ему – двадцать пять. Они нравятся друг другу, что видят и другие люди, их соседи по купе:

Когда они возвращались в купе, Петрович хитро подмигивал Диме и язвил:

– О, молодожены вернулись [33, с. 235].

После того, как они остаются наедине, они разговаривают обо всем на свете, и Лена не знает, взаимны ли её чувства: «Она все никак не могла понять,

понравилась ли она ему и что он вообще о ней думает, если думает, конечно. Всего лишь случай. Просто попутчики» [33, с. 236]. Неожиданная встреча и чудо любви дают основу рождественскому мотиву, и читатель уже предвкушает счастливый конец этой истории: «Лен, я – серьезно. А будешь вопросы глупые задавать – женюсь!» [33, с. 237]. Но – нет. Пути героев расходятся, и мы читаем о их жизни через пятнадцать лет: «Она закурила. «Господи, я же большая девочка, мне через пару месяцев стукнет тридцать четыре...» [33, с. 239].

Из-за смены времени автором текста, мы понимаем, что встреча в поезде для героев уже является не настоящей действительностью, а воспоминанием, которое когда-то было. Акумулируя в себе как положительную, так и отрицательную мотивировку, мотив воспоминания помогает писателю в реализации рождественского и антирождественского мотивов в одном тексте.

Так, спустя пятнадцать лет после памятной поездки, в канун нового года, Лена «вспомнила все – так ярко, так остро, что даже перехватило дыхание» [33, с. 240]. Найдя информацию о Сергее в интернете, «Ленка уткнулась лицом в клавиатуру и расплакалась» [33, с. 241]. Сергей – «известный музыкальный продюсер...», «обладатель „Золотого граммофона“...», «владелец студии в Москве...» [33, с. 241]. Богатое, впечатляющее будущее, которое у неё могло быть с ним, в корне отличается от её настоящего, где она недовольна и жизнью, и работой: «Черт бы побрал эти съемки, этот фильм, эту работу, этот долбаный Новый год» [33, с. 239]. Для героини рождественского чуда не случилось, она не сумела его распознать и поймать в нужный момент.

Несмотря на «несчастливый» конец истории для Лены, у Сергея, наоборот, воспоминания несут в себе положительные черты: «Да, точно же, это было перед Новым годом, и именно тридцатого! Ну вот, Ленка, я пришел. Сергей широко улыбнулся своим мыслям и удивительному совпадению» [33, с. 242]. Давнее чудо, несмотря на свою несостоятельность, оставило след

в жизни обоих героев, а время помогло распознать его и увидеть его значимость.

Стоит отметить внимание авторов к теме семьи. Семья не только присутствует рядом с мотивом воспоминаний, но и довольно свободно используется авторами отдельно. Тема семьи поднимается в 24 четырех рассказах сборника. Теплые бытовые зарисовки, приятные неожиданные происшествия и атмосфера единения близких людей особенно светло и празднично смотрятся в обрамлении новогодних праздников.

В рассказе Жуки Жуковой «Семья» показана праздничная семейная рутина: обсуждение праздничного стола, установка и украшение ёлки, готовка и начало застолья. Конечно, обсуждение главного блюда новогоднего стола не может пройти гладко: «Я исподтишка, чтобы родители не видели, показываю брату язык. Брат бьет меня по башке ладонью» [33, с. 365]. И неважно, что «это мой сороковой Новый год, а у брата сорок четвертый. Традиция» [33, с. 366]. Такой же традицией является спор о том, как правильно ставить ёлку. Он происходит каждый год, каждый год героиня обещает купить крестовину, но каждый год они всей семьёй устанавливают зеленую красавицу «в большую белую эмалированную кастрюлю. Ствол между двух кирпичей. Ёлка падает» [33, с. 366]. Это, как и спор с братом, традиция.

Семейной традицией является и украшение ёлки. Любовно доставая игрушки, вспоминая истории, героиня с братом наряжают ёлку. Главное в этом процессе не шары и гирлянды, а воспоминания, которые они пробуждают, память о людях, которые уже ушли из жизни.

Готовка на Новый год тоже «отлаженная система». «Папа по горячему. Я по салатам и холодным закускам...» [33, с. 369]. Это время только для дочери и отца, их маленький мир, в котором всё остается только между ними. Неудивительно, что героине сначала жалко было делиться этими личными моментами с женой брата, но она принимает её в эту маленькую традицию, обучая всему тому, что она знает.

Празднование Нового года в домашнем кругу, с устоявшимися семейными ритуалами, включая шуточные перебранки, для семьи героини является важной частью праздника. Поэтому на предложение брата купить всем путевки на Бали и отпраздновать там, семья ответила единогласным «Да ну!» [33, с. 371].

Но семья – это не только сложившиеся ритуалы проведения какого-то праздника. Семья, в первую очередь, это общение и взаимопонимание поколений. А взаимопонимание между отцом и дочерью, особенно если дочь подросток, особенно важно и ценно. Поэтому рассказ «Папа, дело есть!» от Александра Бессонова встречаешь с особой теплотой. Завязка, как ни странно, вполне обыденна: дочь просит денег на расходы. Но вместо молчаливой выдачи требуемого или безапелляционного отказа, отец начинает узнавать о деталях: «Зачем тебе деньги такие?» [33, с. 409]. Оказывается, дочка Катя хочет купить подарки для всей семьи на Новый год, но денег на такие расходы нет. Отец предлагает ей сделать что-то своими руками, но дочь отказывается от этого варианта, аргументируя тем, что она уже взрослая для таких подарков («Папа, мне тринадцать! Жена Грибоедова в пятнадцать замуж вышла!» [33, с. 409]). Отец предлагает тогда заработать эти деньги, но хотя дочь и не против, она не видит вариантов этого сделать – ей тринадцать, а единственное место, куда она могла бы потенциально пойти ради заработка, только «Макдональдс». Кульминационным моментом является предложение папы обыграть его в FIFA, в которую он играл перед тем, как пришла Катя. Катя встречает это предложение с радостью: «Ну всё, тебе конец! Где ты, мой Рональдушка, птенчик португальский» [33, с. 410]. Развязка у рассказа получилась несколько неожиданной: «И всем достались подарки! Правда, маме подороже, но ничего, бабушка с дедушкой перекрестились, когда внучка с сыном танцевали SKIBIDI» [33, с. 410].

Как мы видим, фигура отца не является в рассказе статичной, это понимающий и любящий папа, который общается и слушает свою дочь, принимает во внимание аргументы ребенка. Он видит, что дочь уже не

маленькая девочка, а подросток, у которого есть свои потребности. Но вместо того, чтобы слепо эти потребности «закрывать», он высказывает разные варианты действий, которые могли не прийти Кате в голову, а в конце предлагает взаимовыгодную для обеих сторон сделку: папа находит соигрока, а у дочки есть возможность честно заработать нужную ей сумму. В конце концов, папа поддерживает «рукотворный» подарок дочери в виде танца и принимает в этом активное участие.

Таким образом, своеобразие современного святочного рассказа заключается в преобладающем значении среди зимних праздников Нового года; стилевом разнообразии святочных текстов, что позволяет авторам поднимать в рассказе насущные темы, не ограничиваясь рамками одного жанра; присутствии в святочной словесности XXI века четырех жанровых модификаций и переосмысления традиционных святочных мотивов; продолжении традиционного для XIX века антирождественского мотива.

Заключение

История святочного рассказа берет свое начало в календарной народной словесности, цель которой была передача знаний о праздновании сакральных дат предками и обучение молодёжи основным правилам поведения в эти даты. Само время празднования аккумулировало истории, придавало им силу и заставляло верить в их действительность. Литературный святочный рассказ вобрал в себя не только народные верования и народный колорит, но и стал связующим звеном между несколькими календарными системами, отображая в себе светские, церковные и народные празднества. Святочная словесность объединила между собой людей разных эпох, социальных и культурных слоев, соединила в себе западноевропейскую и восточноевропейскую культуры. Она отражает в себе не только высшие человеческие ценности, которые не теряют на протяжении веков свою актуальность, но и основные требования времени, заставляя писателей спустя десятилетия вновь обращаться к святочной теме, ища новые формы гармоничного соединения вечного и сиюминутного.

В жанровую специфику святочного рассказа в России можно отнести синонимичность понятий святочного, рождественского и новогоднего рассказа, где рождественский и новогодний рассказ являются вариантами святочного. Святочная традиция в устной форме предлагала шесть основных мотивов рассказов: «нечистая сила», «гадание», «сон», «вечеринки», «ряженье», «матримониальный». В XIX веке мотивов стало больше, они включали в себя как раннее известные, так и новые, производные от ранних мотивов или вызванные желанием передать в письменном тексте характерные приметы святочных вечеров, например: «метель», «волчий»; «покойник», «мертвец», «призрак»; «опьянение»; «маска»; «путаница». В мотивировку святочных рассказов вплетаются также рождественские мотивы, которые основываются на «чудесном» и отображают в себя евангельские идеи: «чудо», «удача», «спасение», «встреча», «примирение», «возвращение блудного сына», «нравственное перерождение», «жертва», «воспоминание»,

«одинокость». Особенно стоит отметить антирождественский мотив, в котором на передний план выводится идея о несправедливости современного автора устройства жизни к основным христианским идеям.

В XXI веке возрастает интерес читателя к жанру святочного рассказа, что приводит к выпуску издательствами различных сборников, произведения которых различаются временем написания, тематикой произведений, оригиналом языка, на котором был написан текст (отечественные или зарубежные авторы). Внимание ученых сосредоточено на святочной словесности XVIII–XX веков, тексты современных авторов изучены мало. Исследование современного святочного текста является более чем перспективным направлением, поскольку в нем происходит трансформация традиционных для рождественского жанра черт под действием направления современной литературы на расширение жанровых диапазонов и интертекстуальной игры.

Своеобразие святочного рассказа нашего века заключается в первенствующем значении темы Нового года как главного зимнего праздника в сознании современников авторов. Открытость жанровых рамок в литературе XXI века помогает вставлять основные черты святочного рассказа в любой из доступных автору жанров, играть с формой, модифицируя и переосмысливая каноны святочного жанра, тем самым открывая в святочной прозе новый угол зрения на устоявшиеся образы. Открытость новому и переосмысление основных мотивов рождественского рассказа не мешает авторам расширять и традиционное содержание мотивов, например, антирождественского, актуализируя социальные и моральные проблемы общества XXI века.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. Москва : Советская Россия, 1988. 512 с.
2. Боголепов А.А. Рождество, Страстная и Пасха в православном Богослужении. М. : «Паломник» 1999.
3. Безбородина Е.С. Обсуждение вопросов жизни и смерти при изучении рождественских рассказов. [Электронный ресурс] // URL: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/edu_svyat/ (дата обращения: 2.03.2024).
4. Бондаренко М.И. Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840-1890-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бондаренко Марина Игоревна. Коломна, 2006. 19 с.
5. Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования; Статьи. М.: Худож. лит., 1990. 512 с.
6. Григорович Г.В. Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1987.
7. Гик А.В. Святочный рассказ как палимпсест (Горький, Кузмин и Достоевский) // Достоевский - 2021 : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения писателя, Москва, 19–20 ноября 2021 года. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. С. 157–165.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989–1991. Т. 1.
9. Даниленко Ю. Ю. Трансформация жанра рождественского рассказа в современной литературе (Л. Петрушевская) // Проблемы исторической поэтики. 2014. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhanra-rozhdestvenskogo-rasskaza-v-sovremennoy-literature-d-bykov-l-petrushevskaya> (дата обращения: 27.03.2024).
10. Диккенс Ч. Святочные рассказы Чарльза Диккенса. СПб.: Издание книгопродавца Д.Ф. Федорова, 1875. 615 с.

11. Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 216 с.
12. Душечкина Е.В., Баран Х. Настали вечера народного веселья... // Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы. СПб.: Художественная литература, 1993. С. 3–16.
13. Душечкина Е. Святочный рассказ. Электронный журнал: Первое сентября. 2007. №23 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://art.1sept.ru/article.php?ID=200702305> (дата обращения 25.03.2024).
14. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.
15. Душечкина Е. «Чудо рождественской ночи»: традиции праздничного чтения в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://parmambook.ru/articles/438> (дата обращения 25.03.2024).
16. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М., 2004.
17. Жуковский В.А. Собр. соч.: в 4 т. М., 1959. Т. 2 // URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/hukovsky.html> (дата обращения: 25.03.2024).
18. Захарченко, М.О. Мотив чуда в святочном рассказе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 93–97.
19. Ильченко Н.М. Своеобразие современного святочного рассказа // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. С. 153–158.
20. История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 6.
21. Калениченко О.Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века. Волгоград: Перемена, 2000. 231 с.

22. Кантор В.К. Святочный рассказ //Кантор В.К. Историческая справка. М., 1990. с.256–270.
23. И. Киреева. История рождественской елочки. М. : «Просветитель», 1998.
24. Козина Т.Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 4(168). С. 137–144.
25. Козина Т.Н. Метаморфозы рождественского архетипа в современном рассказе // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-rozhdestvenskogo-arhetipa-v-sovremennom-rasskaze> (дата обращения: 28.03.2024).
26. Козина Т.Н. Тема Рождества в современной прозе // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-rozhdestva-v-sovremennoy-proze> (дата обращения: 10.03.2024).
27. Козлова Г.А. Рождественский рассказ в западноевропейской и русской литературе // Слово и текст: теория и практика коммуникации : сборник научно-методических трудов. Том Выпуск 12. Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2020. С. 138–140.
28. Кретьева А.А. Святочные рассказы Н.С. Лескова в контексте русской литературы XIX века : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 1992. 23 с.
29. Кучерская М.А. Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1997. 21 с.
30. Лесков Н.С. Жемчужное ожерелье // Собр. Соч.: в 12 т. М., 1989. Т. 7.
31. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
32. Максимов С. Нечистая, неведомая и крестная сила : очерки / Сергей Максимов. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.

33. Мандарины – не главное. Рассказы к Новому году и Рождеству. 7-е издание. Москва: Издательство АСТ, 2022. 491.
34. Махнина Наталья Георгиевна, Насрутдинова Лилия Харисовна. Типология современного святочного рассказа для детей // Вестник ТГГПУ. 2018. №1 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-sovremennogo-svyatochnogo-rasskaza-dlya-detey> (дата обращения: 02.04.2024).
35. Осанова Н.Н. Урок внеклассного чтения по рассказу А.И.Куприна «Тапер»: 9 класс // Литература в школе. 2000. №1. С. 76–80.
36. Панкеев И.А. Русские праздники. М.: Яуза: Эксмо-пресс, 1998.
37. Пранцова Г.В. Рождественская проза в русской литературе XIX–XX веков. Пенза, 2009.
38. Прохорова Т. Г. Мистическая реальность в прозе Петрушевской // Русская словесность. 2007. № 7. С. 29–34.
39. Святочные рассказы. Предисловие, составление, примечание и словарь М. Кучерской. М.: Детская литература, 1996. 213 с.
40. Секачева Е.Р. Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в. // Новый исторический вестник. 2007. № 5. С. 67–74.
41. Семенова В.Е. Православный менталитет и культура в современной России // Христианство и русская литература. Сб. 5. СПб.: Наука, 2006. 738 с.
42. Старыгина Н.Н. Лесков в школе. М., 2000.
43. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. 1992. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyatochnyy-rasskaz-kak-zhanr-1> (дата обращения: 15.03.2024).
44. Сурова Л.В. Православная школа сегодня. Книга для учащихся и учащихся. Владимир: Изд-во Владимирской епархии, 1996. 495 с.
45. Терещенко А.В. История культуры русского народа. М., 2007.
46. Фиолетов Н.Н. Очерки христианской апологетики. Некоторые вопросы естественнонаучной апологетики // Чудо. Богословский взгляд и личный опыт / сост. М. Шполянский. М.: Отчий дом, 2003. С. 11–22.

47. Харузина В.Н. Время и обстановка рассказывания повествовательных произведений народной словесности // Учен. Зап. / Ин-т истории РАНИОН. 1929. Т. 3. с. 41–51.

48. Шабалинская В.Ю., Кабылкова А. А. Традиции рождественского и святочного рассказа в современной детской литературе // Детская литература на современном этапе : материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию К. И. Чуковского, Минск, 06–07 октября 2022 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 142–145.

49. Шафранская Э.Ф. Устное народное творчество. М., 2008

50. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона Т. XXIX. / сост. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб. : Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1900.

Приложение А

Сценарий проведенного тематического внеклассного мероприятия по литературе «Новый год к нам мчится»

1. Тема внеклассного мероприятия: «Новый год к нам мчится».

2. Класс: 5; МБУ «Школа «89» г. о. Тольятти.

3. Цели внеклассного мероприятия: 1) обобщить знания обучающихся о праздниках зимнего календарного цикла; 2) ознакомить обучающихся с историей развития рождественского рассказа в России; 3) сформировать умение видеть основные рождественские и святочные мотивы в текстах; 4) ознакомить учащихся с рождественской прозой XXI века.

4. Планируемые результаты (УУД):

предметные: 1) знать понятие «святочный рассказ»; 2) уметь определять основные мотивы в рассказах; 3) знать историю развития жанра святочной словесности; 4) уметь видеть различия между святочной, рождественской и новогодней прозой;

метапредметные: 1) знать историю становления зимних праздников с Руси и до наших дней; 2) взаимодействовать в процессе учебной деятельности с учителем и сверстниками;

личностные: : 1) уметь работать в команде; 2) проявлять заинтересованность в теме и в предмете; 3) стремиться к совершенствованию своей речи.

5. Оборудование: проектор, ноутбук, презентация, колонки, раздаточный материал, план-конспект учителя.

6. План внеклассного мероприятия:

Оргмомент – 3 мин.

Постановка целей и задач мероприятия – 1 мин.

Этапы внеклассного мероприятия – 35 мин.

Подведение итогов и награждение победителей – 1 мин.

Продолжение приложения А

7. Ход внеклассного мероприятия:

Элементы внеклассного мероприятия	Деятельность учителя	Деятельность учащихся
Оргмомент – 3 мин.	Учитель знакомит обучающихся с темой дипломной работы, разъясняет ее цели и задачи, разбивает класс на шесть команд и проверяет готовность детей к мероприятию.	Слушают.
Постановка целей и задач мероприятия – 1 мин.	Беседа с детьми. Учитель мотивирует учащихся и ставит цели и задачи на урок.	Совместно с учителем формируют цели мероприятия.
Этапы внеклассного мероприятия – 35 мин.	<p>Оформляются как стенограмма (дословная запись) мероприятия</p> <p>I этап. Объясняет задание и дает теоретический материал.</p> <p>1) Сегодня мы с вами погрузимся в атмосферу праздника. Вспомните праздники, которые приходятся на даты с 25 декабря по 7 января.</p> <p>2) Да, молодцы! А что могли праздновать наши предки на Руси до крещения?</p> <p>3) Да, все верно! Как вы знаете, именно солнышко влияло на жизнь людей в ту пору: когда сеять, пахать, убирать урожай. И сейчас от солнца зависит как минимум наше настроение. Ну и как вы видите, зимой просто гора разных праздников! А знаете такой праздник как Коляда и как его праздновали?</p> <p>4) А вы никогда не ходили на новогодних праздниках по домам, пели песни и получали угощения?</p> <p>5) Ого! И как это было? Для чего, как вы считаете, колядуют?</p>	<p>Слушают, вступают в диалог с учителем, отвечают на вопросы.</p> <p>1) – Рождество - Новый год</p> <p>2) – Зимнее солнцестояние – Прибавление солнечного дня</p> <p>3) – Нет!</p> <p>4) – Нет! - Да! Мы с родителями колядовали!</p> <p>5) — Собрать вкусняшек! - Попеть песни! - Желали всего лучшего!</p> <p>II этап. Игровая форма.</p> <p>1) Выделяют на раздаточном материале способы гадания, читают историческую справку о том, как эти гадания проводились.</p>

Продолжение приложения А

Элементы внеклассного мероприятия	Деятельность учителя	Деятельность учащихся
	<p>б) Правильно! Итак, в самом-самом начале наших зимних праздников, мы славили солнышко и исполняли магические ритуалы на будущую весну: ходили по домам, славили хозяев, приговаривали, чтобы у них был урожай и летом Сегодня мы с вами рассмотрим всю историю зимних праздников от известного начала и до наших дней.</p> <p>II этап. Игровая форма.</p> <p>1) Гадания. Кроме прославления хозяев и добрых пожеланий на следующий год, Коляда – время, прекрасное для магии. Считалось, что в момент перехода одного года в другой граница между нашим миром и миром духов истончается, а значит всякая волшебство становится сильнее. И можно узнать будущее! Конечно, это стало любимым мотивом историй у авторов. Перед Вами отрывок из баллады В.А, Жуковского «Светлана», где собраны самые разные гадания. Найдите их все!</p> <p>2) Путаница. Гадания – любимый способ времяпрепровождения в деревне. Хотя и церковь, как вы знаете, гадания запрещает. И Коляду запретило, поэтому появляются у нас авторы с рождественскими историями. А первым таким писателем стал Чарльз Диккенс с его «Рождественской песнью», которую очень сильно полюбили в России. Давайте попробуем определить, какие мотивы у писателей связаны со святками, а какие вошли в литературу после Ч. Диккенса.</p>	<p>2) Командная работа. Подбирают к святочным и рождественским рассказам мотивы. Участвуют в обсуждении.</p> <p>3) Читают вслух, выделяют мотивы, смотрят на их преобразование. Обсуждение сделанных открытий.</p> <p>III этап. Финальный конкурс. Капитаны команд читают ответы, обсуждение выбора кинокартин и их мотива.</p>

Продолжение приложения А

Элементы внеклассного мероприятия	Деятельность учителя	Деятельность учащихся
	<p>3) Новый год. Рождество указом сверху запретили во времена СССР, потому что «религия – опиум для народа». И праздник запретили тоже. Но тут эстафету забрал себе Новый год! И так и празднуем мы его сейчас шире, чем святки и Рождество. И новогодние рассказы теперь чаще встречаются. Давайте прочитаем отрывок из одной такой сказки и отметим, что изменилось в мотивах по сравнению с нашей таблицей.</p> <p>III этап. Финальный конкурс, заслушивание результатов и анализ ответов. В XXI веке новогоднее настроение можно создать не только историями да гаданиями, но и музыкой, и кинематографом. Запишите на листочке все новогодние фильмы, которые вы знаете.</p>	
<p>Подведение итогов и награждение победителей – 1 мин.</p>	<p>Оценка анализов, рефлексия (понравилась/не понравилась конкурсы, работа в команде, какие открытия для себя сделали). Команде-победителю вручены листы с наклейками. Все команды получили небольшие сладкие презенты. Мнение о мероприятии.</p>	<p>Участвуют в обсуждении, делятся впечатлениями, выражают свое мнение.</p>